

Каковы границы детства (несамостоятельности и безответственности) и взрослости (самостоятельности и ответственности)? Каковы основания таких представлений? Где можно использовать такие представления?

(Панельная дискуссия)

Участники: Вячеслав Владимирович Башев, Геннадий Николаевич Блинов, Максим Юрьевич Гуревич, Антон Николаевич Глушков, Александр Анатольевич Попов.

Ведущий: Павел Аркадьевич Сергоманов.

Сергоманов П.А.: Я напомню про формат и про задачи панельной дискуссии, и затем приглашу основных ее участников.

Конференция стартует этим мероприятием для того, чтобы задать некоторый тон, интригу, основные позиции, проблемные места в тематике. Общий замысел конференции состоит в том, чтобы обсудить вопросы результатов образования, содержания образования, не только нам, как говорят во внутренних кругах, «образованцам», а еще и людям, которые, напрямую не связаны с образовательной отраслью, но могут задать некоторые требования со стороны политики, бизнеса, государства и общества в целом.

Вопросы, которые мы сформулировали на дискуссию, звучат таким образом: Каковы границы детства? Имеется ввиду переход от несамостоятельности к самостоятельности, от безответственного отношения к делу к ответственному? Каковы основания таких представлений? То есть, почему мы полагаем, что нужно строить границу? И самое главное, где можно и нужно использовать такие представления? Я хочу подчеркнуть, что вопрос достаточно небезобидный, в смысле использования таких представлений, потому что мы с Вами занимаемся образовательными институтами, и от того, насколько точно мы понимаем задачи, которые должны стоять перед нами, перед детьми и молодыми людьми, мы, собственно говоря, и действуем соответствующим образом.

И я хочу пригласить сюда за стол участников панельной дискуссии: Вячеслав Владимирович Башев – директор красноярской гимназии «Универс», к. психол. н., Геннадий Николаевич Блинов – доцент КГПУ, зам. лаборатории по прикладной методологии, Максим Юрьевич Гуревич – директор по развитию компании «Дюла Тур», ведущий программы «Живые мысли», пожалуйста прошу, Антон Николаевич Глушков – директор по развитию «Кульбытстрой», зам. президента Союза строителей красноярского края, к. эконом. н., Александр Анатольевич Попов – директор Открытого корпоративного университета «Школа гуманитарного образования», к. философ. н., г. Москва.

Блинов Г.Н.: Я хотел бы отметить три зоны моих личных интересов, я думаю зоны интересов, которые могут быть актуальны для нашей конференции. Первый вопрос звучит примерно так. Есть номинальный возраст и, я бы сказал так, реальный возраст, когда по паспорту одна и та же стоит цифра, а по деятельности, по жизни эти проявления совершенно разные? Что я имею ввиду? Я бы здесь задал собственно две границы, первая это дети определенного возраста в юношестве различаются в сельской местности и в городской местности, причем города бы снова поделил на мегаполисы и средние города. Второй момент это возраст связанный с семейным благополучием, с социальным положением. И я бы поставил вопрос: как проявляются возрастные особенности в семьях, где разное социальное положение? Это вот один тип вопросов. Второй тип вопросов, который я бы здесь пытался обсуждать на конференции, это: а как в этих разных возрастах, ну хотя бы как я их пометил, можно выявлять потребности возраста, для того, чтобы потом строить по отношению к этим потребностям молодежную политику, образовательную политику? Как снять этот заказ, потребности, интересы, что угодно? И третий уже тип вопросов, ну если уже конечно дойдет, это про институциональные изменения или про институциональную форму. Причем один раз я бы это обсуждал собственно в школе: какие возможности и ограничения работают с так определяемым возрастом в плане снятия потребности и их реализации собственно в школе, как образовательном институте. И второй раз уже вне школы. Более подробно я бы обсуждал среду, которая задается во многом, начиная от дизайна среды. Спрашивается: городской дизайн влияет ли на проявления возраста, на формирование каких-то возрастных особенностей? Ну и кончая конкретными вещами разными формами клубов, общественными движениями, которые можно относить к альтернативе школе, которые традиционно отвечают за возраст. Вот три типа вопросов, если я понятен, я бы их пометил для начала.

Сергоманов П.А.: это к постановке вопроса, т.е. Вы практически не предлагаете пока ответы относительно того, где граница между несамостоятельностью и самостоятельностью? Почему она такая? Какое практическое значение имеет? Это к постановке вопроса?

Блинов Г.Н.: да, думаю, что так.

Башев В.В.: Добрый день, коллеги. Я попробую все-таки дать свои варианты ответов на вопросы, которые сформулированы на панельную дискуссию. У меня есть пять утверждений. Утверждение №1, с моей точки зрения, чтобы держаться в русле вопросов панельной дискуссии нужно определить, что мы понимаем под словом детство? С моей точки зрения, здесь важно сказать, что детство – это, во-первых, вообще говоря культурно-историческое понятие. Есть исследования психологов, которые показывают, что детские периоды были не всегда. Ну в частности подростковый возраст, и уж тем более юношеский, который совсем молодой период, я пока не отвечаю на вопрос детский или нет, в частности, например, подростковому возрасту по данным исследователей всего сто лет. И в этом смысле, если мы в русле культурно-исторической теории определяем понятие детства, то детство – это период, когда человек непосредственно не включен в преобразующую деятельность, когда все, что он делает, это есть подготовка к будущей жизни, а еще не сама жизнь. И я предлагаю для точности дискуссии именно такое определение понятия детства. Еще очень важно сказать, что в детстве санкции не носят необратимый характер. Внешние санкции не носят необратимый характер: все то, что ребенок совершает в детстве, это в принципе можно отыграть, этим и характеризуется детство. Т.е. если санкции начинают носить необратимый характер, мы можем говорить, что в принципе детства у этого человека, ребенка нет. Второй тезис. Если относиться к теме конференции и соотносить это с темой панельной дискуссии: юношество – это вершина детства или начало взрослости? Все зависит от того, как мы с Вами определим сами задачи юношества. Опять же в современной психологии известно, что возраст – это не натуральное существование человека, а возраст – это то, что мы как педагоги с Вами проектируем. Мы можем спроектировать юношеский возраст, как взрослый период, т.е. как период, когда человек включен непосредственно в преобразующую деятельность, и санкции, которые к нему применяются, имеют необратимый характер. И тогда нам нужно ответить на два вопроса: какой преобразующей деятельностью будет заниматься юноша? И в этом смысле, что нам ему предлагать? И второй вопрос, это какие необратимые санкции мы можем по отношению к нему применить? Но мне больше симпатично рассматривать юношеский возраст как детский период, как один из детских возрастов, т.е. период, когда мы готовим ребенка или юношу или девушку к будущей преобразующей деятельности. Что это за деятельность в юношеском периоде, подготовительная деятельность к будущей жизни? С моей точки зрения, задачей юношеского возраста является построение образа своего будущего, планирование действий и ресурсов по его реализации. Т.е. суть юношеского образа – мое будущее, мое как юноши или как девушки будущее. Суть юношеского возраста, грубо если сказать, чтобы я прибрисил проект своего будущего, как я буду добиваться того, чего хочу, какие ресурсы я должен привлечь. И, с моей точки зрения, именно этими задачами нужно заниматься в юношеском возрасте. Ну и, наконец, последнее, в теме панельной дискуссии написано «Границы детства (несамостоятельность и ответственность)», я не согласен с такой постановкой вопроса. С моей точки зрения, вообще каждый возрастной период имеет определенный тип самостоятельности, просто это разные типы самостоятельности. Например, не ходил – стал ходить, не говорил – стал говорить, это несамостоятельность с точки зрения взрослых, с точки зрения взрослого взгляда, но уже Выготский Л.С. показал, что ребенок – это не маленький взрослый или «недовзрослый», ребенок – это другой тип личности, другой тип сознания, другой тип восприятия действительности. Ну и относительно безответственности, с моей точки зрения, это тоже не очень корректная формулировка, потому что, например, если мы рассматриваем юношеский возраст, ну вот как я предлагаю, как период, когда строится образ своего будущего, когда планируются ресурсы и когда планируются действия по его достижению, это максимально ответственный период. Но другое дело, что он безответственный с точки зрения внешних санкций, но он максимально ответственный, т.е. юноша ответственен перед самим собой за собственное будущее, т.е. это я строю себе такое будущее, это я за него отвечаю. Таким образом, резюмируя, я предлагаю рассматривать детство, то, как я его определяю, и юношеский возраст все-таки вершиной детства. Спасибо.

Сергоманов П.А.: можно я попробую связать вот вопросы, которые Александр Геннадьевич Хлопонин задавал в приветственном слове, насколько я их понял. С точки зрения тех

тезисов, которые Вы говорили, в частности это тезис про ответственность, обратимость/необратимость ответственности, вопрос мне кажется, который важен, с точки зрения построения планов, образа будущего: является ли в этом смысле ЕГЭ каким-то таким непоправимым действием с непоправимой ответственностью, которое прекращает или отодвигает детство, или какую-то его часть прекращает и т.д.? И тоже самое относительно безопасности, фактически, если человек ощущает опасность, не говоря уже о том, что он практически действия реализует, то он фактически несет необратимый вид ответственности. И в этом смысле вопрос состоит в том, что, если стоит вопрос об опасности в этот момент, не прекращается ли детство, и не начинается ли, условно говоря, взрослость?

Башев В.В.: ну я, честно говоря, вторую часть вопроса не понял, и поэтому я не буду на него отвечать, но на первую часть вопроса я отвечу по поводу ЕГЭ. Во-первых, ЕГЭ он на финале старшей школы, и в этом смысле, здесь же можно еще связать, что старшая школа – это один из институтов, в котором становится юношеский возраст, и в этом смысле то, что он на финале – это санкционирование несколько отодвигает. С другой стороны, ведь это же известный факт, ЕГЭ можно пересдать, буквально на следующий год. В этом смысле это не необратимая санкция, а вполне обратимая, это не разрушает моих представлений о юношеском периоде как детском периоде.

Сергоманов П.А.: Спасибо. Пожалуйста.

Попов А.А.: Где-то ориентировочно семь лет назад наш коллектив понял: чтобы добиваться результативности в образовании, надо уйти из формальных образовательных систем, т.е. из школ, из ВУЗов, из постсоветских школ, из постсоветских ВУЗов. Соответственно и взгляд на поставленную проблему у нас, наверно, особенный и, мне кажется, даже облегченный, поскольку не связан с реформированием такой тяжелой системы, как наше российское постсоветское образование. Я имею ввиду прежде всего инфраструктурное реформирование. Главная проблема, которая, с нашей точки зрения – я представляю некоторую группу – существует как социальная государственная проблема, как в сфере образования, так и в сфере социальной политики, - невменяемость, тотальная невменяемость населения. Я мог бы более вежливо вводить это слово, но поскольку здесь все сидят профессионалы, знаете как хирурги сразу говорят – рак, ну и всем понятно, а больному не говорят, что рак. Так и тотальная невменяемость или, говоря более западным языком, население не того качества. Ну если посмотреть на индекс человеческого потенциала, то Россия находится на 72 месте и вокруг нас даже нет стран восточной Европы. Что это означает прежде всего для процессов новой индустриализации Сибири, постиндустриальных процессов в России, для развития бизнеса? Это означает, что мы вступили, уже даже не вступаем, а вступили в процесс элементарной кадровой голодовки. Мне предприниматели сегодня как раз рассказывали о том, что когда они хотят поставить лесоперерабатывающий завод, который по мощностям больше, чем лесоперерабатывающий завод в том же Лесосибирске, но кадров там будет работать меньше в семь раз. Они не могут найти не то, что технологов, объявляют конкурс по всей стране, но они не могут найти даже нового типа строильщиков. Понимаете да? Т.е. это говорит о том, что качество населения, как знаете в том, в первом участке «народ надо менять». Вот так, если совсем цинично переделывать – народ надо менять. И это главная проблема, сегодня растущего производства. Конкретно три интерпретации, на которые следует обращать внимание, это компетенция гражданская и социальная, по простому говоря - это ситуация, когда люди должны понимать, что они должны ходить на выборы и голосовать правильно, и понимать, что они живут в обществе, и в этом смысле понимать, что они здесь социальные единицы. Вторая компетенция личностная. Это сфера самоорганизации, если говорить по-простому, то человек должен уметь быть счастлив, уметь быть спокоен, спастись от стрессов, меньше пить ну и т.д. И здесь вся линия с алкоголем, с наркоманией, с депрессией и со всем остальным. И третья линия – это профессиональная компетенция, которая должна быть связана с тем, что люди должны понять, что современный мир – это движение за рынками, и научиться наконец-то двигаться за своими профессиональными сферами. Если система образования может как-то повлиять на эти три элементарных качества, то конечно было бы здорово. Наверно, это главная социальная задача образования. Мне видится как социальная задача, а не переделка инфраструктуры. Переделка инфраструктуры – это подзадача, которая должна способствовать основным социально-антропологическим проблемам в стране. Юношеский возраст имеет здесь ключевое значение, потому что опыт работы показывает, что если к 20 годам базовые социальные компетенции не сформированы, то уже поздно. Т.е. в общем уже во многом поздно, уже сформирована некоторая

ментальность, против которой двигаться уже очень сложно. Если говорить о теме конференции, то я бы сказал, что юношеский возраст – это, конечно и не детство, и это, конечно же, не взрослость. Это скорее такой переход в онтологическое поле или в поле самоопределения. В этом смысле я онтологическое поле для себя называю полем, в котором человек пытается ответить для себя на вопросы – что есть современность? Что считать современным, вот тем, кому исполнилось 50 лет? Это вообще-то очень напрягающее событие для некоторых, потому что в 50 лет нужно оставаться современным. Юноша – это тот, человек, который каждый раз определяет, современно это или не современно, нужно вложить сюда свой временной, трудовой, в том числе финансовый ресурс, или не нужно. А соответственно наша задача – доказать им, что то, что мы делаем с ними, мы делаем это современно. Но ситуация современности, к сожалению или к счастью, обращается ситуацией тотальной или фатальной неопределенности. Что значит неопределенности? Никто не может сказать, какая практика, какая школа, какой университет, какая специальность, какой факультет будет через 10 лет современным. И в этом смысле нахождение в поле загадки – это и есть работа с юношеским возрастом. Вообще я выделил два типа работы с юношеским периодом. Первый тип работ, так называемый естественный, ну например, война в Афганистане, война в Чечне, «перестройка», беспределы 90-х годов. Результаты: 80-е годы – потерянное поколение, 90-е годы – кинутое поколение, 10-е годы – преданное поколение, в смысле обманутое, в том смысле, что в стране идут реформы модернизации, но молодые люди как-то не очень понимают, в какой стране они живут, как их касаются эти реформы модернизации. Вот это я называю естественная работа с юношеским возрастом, опасная и на прямую не зависящая, скорее зависящая от социально-экономических практик. А второе, то, что мы можем предпринять, так называемые искусственные практики. Это создание практик современности, введение в практики современности. Здесь есть, конечно же, несколько интриг. Первая интрига – какие это практики? Наш ответ следующий – эти практики должны носить открытый характер. Если по простому, что значит открытый? Это значит, что он сам их выбирает, а не потому что обязательно нужно сдать ЕГЭ или потому что обязательно надо получить аттестат. Он сам строит себе некоторый маршрут, по которому может двигаться. Он сам приносит свою копеечку, если хотите, или копеечку родителей, и в этом смысле тоже вкладывается и несет ответственность. Второй момент – как определить эти практики, как современные? Как найти эту современность? Что сегодня является современным? В этом смысле я здесь несколько примеров написал, ну вот например, старшая школа с учительницами сегодняшними. Может ли она считаться современной? Скорее всего она может сегодня считаться младшей школой, а не старшей, поскольку институционально эти дети находятся вместе с младшими ребятами. Извините, они ходят в тот же туалетик, и отношение учителей к ним точно такое же как и к младшим, как показывает опыт, в большинстве случаев. Общественные политические движения, например, ну понятно, у нас же кроме общественного политического движения нашего, у нас есть много всего, о чем мы часто не говорим напрямую. Как, например, лимоновцы – это огромная сила, или скинхеды – это огромная сила. Очень много вопросов в частности к «Нашим» в плане того, насколько патриотическая идея может выворачиваться именно в такие формы? Современна ли это? Так думать о патриотизме? Шоу-бизнес. Замете, две самые рейтинговые для молодежи программы – это «Фабрика» и «Дом 2». Современна ли это? Ну может быть секс-революция имени Ксении Собчак – это и современно, я не знаю. Но с другой стороны, это есть прежде всего юношеская образовательная программа. КВН и вся эта молодежная политика имени Троцкого, потому что Троцкий в свое время сказал: «коммунизм – это будущее и делать его молодым». Ну и в общем вся линия молодежной политики отсюда разворачивалась в стране. Абитуриентская подготовка, ЕГЭ. Ну мы с Вами понимаем, что это не может рассматриваться сегодня институтом, юношеским институтом взросления. Тогда возникает вопрос: а где тогда институты юношества, вот этого онтологического взросления, про который имеет смысл вести речь? Если кого-то смущает слово онтологическое, я поясню. Это ответы на простые вопросы: зачем жить? Зачем жить сейчас, а не потом? Зачем жить в России? Зачем рожать детей? Зачем любить? Зачем верить? Зачем стремиться? Зачем это все? И если они не будут на просторах нашей огромной родины ни в одном институте там, кружке, школе, в передаче телевизионной находить ответы на эти вопросы, то мы можем говорить, что институт юношества у нас в этом смысле не сформирован. Итак, моя позиция, что юношеский возраст – это возраст онтологического полагания, и в этом смысле возраст самоопределения как поиск практик современности.

Сергоманов П.А.: вопрос сюда можно, сейчас одну секундочку, уточнить? Вот Вы перечисляли институты, и называли их словом практики. Если есть слово практика, то, собственно

говоря, если я правильно понял Вячеслава Владимировича, это штука с необратимой ответственностью, т.е. штраф выписать и т.д. Т.е. это уже не как в школе, где поставят двойку, которую можно исправить. Вот когда Вы говорите практики, Вы имеете ввиду практики вот такие уже серьезные? Ну т.е. когда уже по полной программе, что называется, уже ответственность наступает и т.д.? Или Вы имеете ввиду какие-то практики, про которые говорил Вячеслав Владимирович, где можно пойти там, отыграть и т.д.?

Попов А.А.: ну я думаю, здесь две вещи можно обсуждать. Насколько мне известно, в старшей профильной школе есть вот эти предпрофили пробные, какие-то профильные пробы. Мне кажется, задача старшей профильной школы – это задача, чтобы молодой человек понял, что ему противно. Вот не что он хочет, а что ему противно. Медиком я не буду, потому что падаю в обморок, когда вижу кровь. Вот задача старшей профильной школы – это понять, что тебе противно, а не самоопределишься. Это такие ну практики, но в кавычках. А те практики, которые я начинаю обсуждать, куда молодой человек входит вполне реально. Ну, например, мы сейчас в системе дополнительного образования Красноярского края обсуждаем практики управления, практики экологического развития региона, театральные практики, практики мышления, практики научной деятельности. И в этом смысле нам, конечно же, не хватает так называемых взрослых и старших, которые здесь готовы с ними: а) впустить юношей в серьезные практики, б) относиться к ним по-настоящему и в) чтобы они там были не лаборантами, моющими посуду, а чтобы они там поняли, что тоже могут выйти на сцену в спектакле в большом Красноярском театре. Встать на эту сцену. И вот это сейчас, эта идея построения открытой образовательной системы, где молодой может прийти и вместе со взрослым начать, для нас сейчас большая загадка, потому что эти женщины из дополнительного образования они многого не могут. А вот вне домов пионеров, вне этих кружков, создавать эти практики большая проблема.

Сергоманов П.А.: Понятно, т.е. три практики: совсем взрослые, для юношей и совсем для детей. Пожалуйста, Максим.

Гуревич М.Ю.: Спасибо. Мне довольно сложно было понять свою роль и функцию здесь. И вторая сложность заключалась в том, что я не педагог, и некоторые сложные конструкции понять не всегда легко, но у меня зато есть две конкретные причины, по которым я здесь нахожусь. Очень конкретные, на мне можно проводить тест, меня можно тестировать для каких-то выводов. У меня есть ребенок, ему пять лет, и меня очень беспокоит образование, которое ему можно будет дать. И вторая вещь, как я понимаю, что такое будущее человека, как нам дальше жить? Простой пример: студент на вопрос «какую работу Вы хотите получить?» отвечает: «я? Высокооплачиваемую». Я задавал совсем другой вопрос: что Вы хотите делать? Но, следуя заявлению, спрашиваю «почему?» «Как же? – опять же ни секунды не замешкавшись, – У меня же одни пятерки в зачетке». Это пятый курс, кстати говоря, гос. университет. И поэтому для меня вопрос ответственности и инфантильности очень важен. Я вообще считаю, что разделение людей по возрасту, по социальному положению, по географическому признаку: деревня это или село, мне не очень понятно. Почему мы их так делим? Другое дело, если мы говорим вот этот человек, насколько он отвечает за свою жизнь? И вопрос тогда, который еще может войти в обсуждение: есть государство и та граница, за которой вот государство формирует там что-то, предлагает условия для развития личности и т.д.? Но все-таки, находясь в ситуации сложной, не простой, переходного периода и т.д., вот где все-таки граница, за которой я сам, моя семья, или я как родитель формируют жизнь или будущую жизнь человека? Если, то о чем Вы сейчас говорили, много неопределенностей, и в этой ситуации трудно понять, как быть дальше и во что вкладываться. Так вот образование – это такой переход получается, это то, что дает человеку, компенсирует эти угрозы, которые современность выбрасывает. И она будет постоянно выбрасывать, легче-то не будет никогда, дальше только хуже, но веселее. Да, дальше будет хуже, говорю я, но мне от того что я это знаю, мне легче жить. Просто то, что меня волнует, это граница, на которой человек лично отвечает за себя, чтобы он не выходил 20-летним парнем к памятнику Ленина и не требовал льгот по ЖКХ. О чем он говорит, я вообще не понимаю? Какие льготы по ЖКХ? Им 20 лет. Вот. Пожалуй, все. Ну единственное, хотел заметить, ЕГЭ, на мой может даже непрофессиональный взгляд, не является предметом обсуждения. Почему? Потому что это всего-навсего форма сдачи экзамена. И какая разница, как его сдают: письменно, устно и т.д.? Важно, что сдают, какие критерии оценки заложены, какие вопросы, что считается важно сдать, а что как бы можно не сдавать. Спасибо.

Сергоманов П.А.: Если позволите, тоже вопрос. Максим Юрьевич, с Вашей точки зрения (мне кажется, Вы говорите про очень важный разворот, интересный и хорошо, что Вы без всяких умных слов, про инфантильность) до какой поры ребенок может быть инфантильным, про границу? Или государство до какой поры должно оплачивать их инфантильность?

Гуревич М.Ю.: Нет, есть всегда проблема договориться о понятиях, и это большая проблема на самом деле. Вот как я понимаю инфантильность, так это просто слабость. И она может быть опять же не связана ни с географией, ни с возрастом, и какая-то вот недееспособная инфантильность, мне кажется, она, ну ее не должно быть в программе и поощрения в образовательных программах. Вот знаете, когда на печку маленький ребенок кладет руку и обжигается, он тут же становится не инфантильным. А если он будет каждый раз требовать, чтобы его предупреждали, что печка горячая, или что-то в таком роде, так это бессмысленная инфантильность. Ну т.е. вот она инфантильность инфантильности рознь. А я просто говорю, что человек должен на себя полагаться. Вот в реальной жизни он на себя должен полагаться, а полагаться на государство – это утопичная какая-то мысль. Спасибо.

Глушков А.Н.: Я, конечно, для начала хочу поговорить по понятиям. У меня немножко другая рамка, я представляю бизнес, и, наверное, должен посмотреть на эти вещи со стороны бизнеса и конкретных экономических позиций. Что касается понятия юношества, то, на мой взгляд, ответ очевиден: юношество – это осознание себя потенциальной рабочей силой, с точки зрения экономики и бизнеса. Не фактическая причастность к рабочей силе, а осознание себя потенциальной рабочей силой. И основная задача юношеского возраста, с которой тут в принципе уже определились как детства, последней стадии детства, это поиск ниши на рынке труда. На сегодняшний момент, что происходит в экономике, можно смело заявить, что это возраст у нас отсутствует. Есть у нас детство, есть уже взрослость, юношества вот в этой роли, как подготовки, осознания себя потенциальной рабочей силой не происходит. Как уже отвечали коллеги, причин здесь несколько. По порядку начнем, первая – это ценностная ориентация. Как «где Вы хотите работать? Какую работу хотите получить?» - «высокооплачиваемую». Ни о престиже, ни о каких-то внутренних предрасположенностях на сегодня речи нет. Второе или первое, не знаю, как по важности, – гипертрофированный эффект труда, который на сегодняшний день существует. Это не рынок, это какое-то такое непонятное состояние по поиску рабочей силы, по поиску подбора кадров. Что в этом случае происходит? Наверное, нам постановка задачи ясна, надо определяться дальше по каким-то дальнейшим действиям. Предложение будет следующим: взять некоторые институты, участвующие в процессе перехода от детства к юношеству, и разобраться в их ролях и задачах, их фактических возможностях, в существующее время, в существующей экономической ситуации предпринимать какие-то шаги. Если мы говорим о бизнесе, то оперировать не просто к какой-то социальной ответственности бизнеса, а к его экономической заинтересованности и способности фактически реализовывать, каким-то образом влиять на этот процесс. Когда мы говорим о дефиците и кадровом голоде, наверное, на сегодняшний день мы немножко лукавим. Дефицит в обучаемости технологов заключается в том, что оплата 10 тыс. рублей. Если зарплата будет 40, никакого кадрового голода не будет. Роли образования, и что фактически оно может сделать своими силами, учитывая ситуацию в экономике страны на сегодняшний момент, административных органов, их участия. Предлагаю вот по этим трем направлениям поговорить, чтобы определиться в фактических возможностях каждой из сторон по достижению целей по определению юношеского возраста и появлению юношеского возраста. Опять же отмечу, что на мой взгляд, понятие юношеского возраста сейчас утрачено в экономическом смысле этого слова.

Сергоманов П.А.: Пожалуйста Геннадий Николаевич.

Блинов Г.Н.: Из того, что я начал обсуждать, я все-таки помечу. Я предлагаю двигаться в трех смыслах или трех плоскостях. Один раз отмечать, ну я теперь уже по-простому попробую обозначить, сколько юношеских возрастов мы можем выделить. Я специально отмечу: по паспорту 15 лет, а сколько реальных возрастов: возраст 1, возраст 2, возраст 3, мы можем выделить в Красноярском крае, ну например? Ну к примеру, я теперь могу сказать, что я понимаю под возрастом. Под возрастом я понимаю занятие определенной позиции: когда говорят самостоятельность, ответственность. Т.е. когда говорят: Я занят, Я пошел, Я действую с позиции в определенном возрасте, это значит, я занял позицию. Позиция – это значит соответствие между тем, что я предлагаю мыслительно или что у меня есть в голове в мыслительном плане, что у меня есть в коммуникативном, в тексте, что у меня есть в деятельности. Т.е. я могу сказать, что я нахожусь в юношеском возрасте, если все, что я говорил в виде проекта, я излагаю это на

соответствующем языке, и я точно это потом доказываю в деятельности. В этом смысле, если так понимать возраст, то юношеский возраст – это есть конкретные мыслительные представления о своем будущем, я тут согласен с коллегой, если я правильно слышу. Дальше вопрос: в каком типе текстов, где можно эти намерения свои предъявлять? Ну например, в профильном обучении либо в предпрофильном, есть ли специально обустроенное место, где относительно своей будущей профессиональной деятельности это можно разворачивать, а ни как в виде тестов, в виде ответов на контрольных работах в плане подготовки к ЕГЭ. И есть ли место, где точно можно развернуть деятельность? Поэтому я бы сейчас остановился, предлагаю коллегам, которые участвуют за столом, сказать, все-таки сколько юношеских возрастов можно выделить и есть ли место в школе, если нет, то почему, для поддержания этого юношеского возраста?

Сергоманов П.А.: я не знаю, на сколько этот посыл будет принят, поскольку Вы фактически опять к постановке вопросов возвращаетесь. Но мне кажется, что все-таки важно отвечать на те суждения, которые высказаны, отнестись к тем суждениям. Вот к примеру, мне кажется очень интересным тезис про осознание себя потенциальной рабочей силой. Смотрите, не вообще про будущее, а именно рабочей силой. Это является каким-то событием. Человек себя ребенком теперь не чувствует. И видимо какие-то важные решения в этом смысле принимает, ниша труда, работающих и т.д. Как стартовая точка. Вот к этому тезису можно отнестись, к примеру? Или, например, если говорить про то, что говорил Максим, это про инфантильность в том смысле, как он говорил сам, проведение государством границы и т.д. Вот как бы отнестись к тезисам?

Башев В.В.: Позвольте Павел Аркадьевич, я, Геннадий Николаевич, с глубоким уважением отношусь к поставленным вопросам, но мне кажется, на панельную дискуссию вопросы сформулированы, надо попробовать дать гипотезы ответов. Может быть эти гипотезы могут быть в виде других вопросов поставлены? Я попробую отреагировать на то, что меня задело. Меня задели две вещи, вот может быть я не очень верно понял, это тезис господина Гуревича, что нужно изживать инфантильность из молодых людей, нужно, чтобы они сразу понимали, что жизнь – безусловное зло. Я тебя интерпретирую, конечно. И если ты не будешь шевелиться, то не получишь. И второй тезис, это Александр Попов высказал по поводу реальных практик. Ну вот смотрите коллеги, все зависит опять же от того, что мы хотим. Если мы хотим, чтобы жизнь человека была осмысленной, целенаправленной и в определенной степени деятельностью, как любая нормальная деятельность она должна предполагать проект, она должна предполагать момент продумывания. Ни в одном из возрастов мы не предоставляем ребенку возможности продумать свою жизнь. Я говорю, юношеский возраст, с моей точки зрения, это есть реальная возможность дать человеку продумать, сделать проект своей жизни. Все, кто когда-нибудь реализовывал проекты, знают, что то, как будет реализовываться проект, это совсем не то, как он продумывался, но если его не продумать изначально, то вообще ничего не будет. И поэтому, я еще раз настаиваю, что юношеский возраст – это период, можно даже этот термин употребить, инфантильный, безответственный, когда тебе не прилетает немедленно за то, что ты делаешь. Но именно благодаря этому появляется возможность подумать и подумать не преземленно, потому что кто такой ответственный человек? Это человек, который ждет ударов со всех сторон за каждый свой шаг, потому что он знает, что масса ограничений его преследует. Юношеский период – это детский период, в определенной степени инфантильный период, когда человек может легко, свободно, безответственно, в определенной степени, подумать про свою будущую жизнь. А ответственность заключается в том, на сколько он спланирует четко свою будущую жизнь, и поймет, где он будет брать ресурсы для того, чтобы достичь той цели, которую он себе ставит ну вот в плане организации своей жизни. Спасибо.

Гуревич М.Ю.: Вот сейчас мне очень интересно стало. Вот это место, по-моему, любопытное. Я попробую передать разницу между двумя понятиями: что такое мечта и идея, чем они отличаются. Ну это вот с инфантильностью и т.д., но на уровне таком вот, примеров. Мечта – это когда человек обдумывает свое будущее и говорит: «Я вот подумал, я вот хочу стать знаете, я вот хочу, чтобы работа высокооплачиваемая у меня была, хочу стать хозяином заводов, домов, пароходов, ну или еще чего-то там». Понадумал себе и сидит мечтает, а как это сделать, это вообще не понятно. Он думает, он размышляет, действительно такой. Ему за это не прилетает ничего. Ну просто это ни к чему не приведет это точно, если это просто мечта. А что такое идея? Я как понимаю, идея – это когда человек придумал какую-то вещь, он ее обдумал, и вслед за этим появляется предположение, как это действительно можно притворить в жизнь. Это может быть

очень сложно, это может быть невыполнимо в его нынешней ситуации, но он поймет, что ему там нужно выучиться, какой-то курс пройти, познакомиться с кем-то, найти инвесторов или еще что-то. Но разница между мечтой и идеей принципиальная. И то, и другое – обдумывание, и в работе над идеей человек может быть юным и безответственным, и, в нормальном смысле слова, инфантильным, но это приведет его к успеху. У меня примеры из такой знаете, рекламной какой-то практики могут быть. Давайте нарисуем красивое море, и он поведет людей в путешествие, ну нет, конечно. А что-то другое, что будет более осмысленным, вполне да. Вот о чем я говорил, когда говорил про подготовленность к жизни или нет. И вот методология, методики, практики, образовательные, они, мне кажется, точно должны дать человеку разницу в этих понятиях. Ты можешь сидеть мечтать, да сколько угодно сиди и мечтай на печи. А подумать, спроектировать и реальную идею найти, там я не знаю, своего успеха или цели достичь, потому что успех вещь такая, очень сложная, каждый человек ее по-разному понимает. Может коллегам в зале дать слово.

Сергоманов П.А.: технический вопрос: у нас в зале еще один микрофон есть? Я думаю, мы завершим этот сюжет и можно переключаться на зал с его комментариями, вопросами, суждениями.

Блинов Г.Н.: Я считаю, что действительно все прекрасно. Весь вопрос в том, почему в массовой школе, старшей, это не происходит? Мечта, проект, жизненные перспективы, ну потому что ну да, и что с этим делать?

Попов А.А.: Когда, я про ответственность и практики, готовился к конференции, стал вспоминать и даже перечитал некоторые главы из «Евгения Онегина». Мне почему-то очень зацепила идея психологической группы, когда начинают считать, сколько лет тому или иному возрасту. Ну подростковому будет 100 лет, я подумал, а юношескому сколько? И обратился к литературе XIX века и раньше и XX. И остановился на герое, я остановился на классических произведениях: «Герой нашего времени», «Евгений Онегин» и еще ряд, плеяда таких произведений. Я заметил одну такую вещь: либо главный герой погибает, либо его будущее не определено. Пушкин отсылает Онегина в дополнительной главе к декабристам, можно тоже сделать вывод, что либо он погибает, либо все заканчивается не очень хорошо. И в этом смысле я стал задумываться: для меня бесспорно и Онегин, и Печорин, и ряд других персонажей – юноши, и не в смысле возраста, здесь я согласен, паспортный возраст считать бессмысленно, а в смысле того, что они обсуждают как раз те вопросы, которые мы приписываем юношескому возрасту или по крайней мере их метим. Но заметим, они стреляются на дуэли, почти все. Теперь про практики. Скажите мне, вот это что, это как, это же абсолютно серьезнейшее действие, тебе может прилететь и прилететь может насмерть. Кстати Пушкин тоже умирает в 37 лет. В этом смысле я согласен, надо с ними и проектировать, и делать все остальное, но после того как они бизнес-план сделали, пусть они пойдут и ищут инвестора, и пусть у них будет опыт инвестиционного отказа. Пусть у них будет опыт реальной попытки сделать это, т.е. совершить шаг в открытом социальном пространстве. И последнее. А если мы так будем рассматривать юношеский возраст, то нам нужны специальные институты работы с ними, где у нас есть и бизнес, и инвесторы, и школы, и дополнительное образование, и это уже такое навигационное пространство. Кстати, если уже даже бюджет прикинуть, вот мы прикидывали бюджет для дополнительного образования Красноярского края, вполне реальный конфигуратор, не задевает остальное социально-политическое поле.

Хлопонин А.Г.: Уважаемые друзья, уважаемые коллеги, я с Вашего позволения, ну надо еще поработать немного, не в том смысле, что мы здесь не работаем. На конференции разные точки зрения сложились. Я не знаю, к кому, каким боком лучше повернуться. Но тем не менее, ты когда разговариваешь, заканчиваешь какими-то содержательными вопросами, действительно тут все очень интересно было сказано. Прежде чем мы попрощаемся с Вами, я могу сказать, что с большим интересом, я надеюсь, тут все это фиксируется, я в обязательном порядке это перечитаю, более того я уже знаю, как дальше это продвигать и развивать, 100% уже понимаю. Прежде чем мы дальше перейдем к молодежной политике и начнем что-то формировать, мы начнем вот именно с этих монументальных вещей. Проблема, беда заключается, как мне кажется в том, что то, чему мы с Вами не научились, и тезис Александра, что в безграмотном обществе и т.д. и т.п., в нем безусловно маленькая толика истины существует. И, прежде всего, когда мы говорим про безграмотное общество, то если общество безграмотное, то и власть у него безграмотная. И когда на сегодняшний день мы говорим, то власть не может сделать самого основного, можно сформулировать задачу: а что же общество хочет от власти? Потому что каждый у кого из Вас спроси, вот Вы проголосовали за Конституцию, за новую Конституцию, в Конституции прописана

демократия, давайте опишем, что в нашем понимании такое демократия, за что мы проголосовали, мы в какой стране хотим жить и что мы хотим. И Вы спросите у каждого. Молодой юноша смотрит телевизор, видит американский боевик и хочет жить вот так, как он увидел, для него вот это демократия. Кто-то хочет, вот посмотрели фильм «Бригада», причем, что самое смешное для меня, еще и 90% аплодировали на этом фильме, и ни один человек в публичном пространстве не осудил этот фильм, а этот фильм – преступление, с моей точки зрения, за которое нужно посадить в тюрьму. Потому что кроме негатива, кроме плагиата, попытки сделать фильм как «Однажды в Америке» или что-то еще такое, где, кстати, совершенно другой уровень, где высмеиваются подонки, у нас же подонки становятся героями. Я не знаю, какие еще последствия от фильма мы получим и будем получать еще долго, пока он будет на DVD распространяться. Так вот, общество не формулирует задачу, государство не принимает или по-своему понимает, причем представляете ли сколько это на уровне субъектов, вот так они все, а еще и президент, по-своему мыслят эту задачу. Вот точно также в обратном порядке формулируются задачи для наших государственных учреждений. И вот мы никак не можем найти вот это общее. Кто более-менее сегодня самый подготовленный? Как это ни странно – это представители бизнеса. Я могу сказать, что если взять в целом, то 90% из них – у нас были дискуссии – для себя сформулировали цель в жизни. Как правило они формулируют три базовых кита, так называемой «формулы успеха». Первое – это семья, это то, без чего он жить не может, что должно быть его тылом, фундаментом и т.д. Вторая формула – это работа, она должна быть интересной и приносить ему качественный доход. И третья формула – это статус, который должен иметь бизнес, для того, чтобы иметь коммуникаторы, т.е. иметь возможности общаться на определенных уровнях. Вот три таких фундаментальных вещи. Что мы хотим от молодежи? Она не в состоянии это сейчас сформулировать, потому что мы ее к этому не готовим, и то, что вот здесь было сказано сегодня, разными формулировками, мы обязаны это сделать. Мы обязаны сначала спросить общество: мы правильно поняли Вашу задачу? Вы хотите жить в демократическом государстве? Тогда Вы должны понять, что это такое, потому что даже это никто никому не рассказывает. Вы спросите сегодня учителя в школе: что такое демократия? Почему он говорит, что «я хочу жить в частной квартире», но государство должно за него все оплачивать? Он не понимает, что это другая абсолютно система. Ну может плохой пример привел, но тем не менее, можно другой. А дальше, для того, чтобы все это сопоставить, мы должны так выстроить нашу систему программ, и это функция государства, это функция школы, это функция института, это функция власти. Власть обязана сегодня моделировать эти программы, моделировать так, чтобы юноши, которые потом выходят, могли в трех возрастах, в четырех возрастах это не столь важно, они уже понимали, как им дальше жить. Большое Вам спасибо за время. Спасибо коллегам, которые выступили, это действительно очень интересная, содержательная дискуссия. Я действительно готов потом еще раз присоединиться и обсудить. Спасибо.

Сергоманов П.А.: Уважаемые коллеги, я надеюсь, что это не точка в дискуссии, потому что да, не смотря на то, что выступала власть, мы все-таки общество, которое, я так понимаю, что-то должно сказать. Еще кто?

Великанова А. (НФПК): Здравствуйте. Вот слушая то, что с разных позиций, казалось бы не пересекающихся, говорили наши уважаемые позиционеры панельной дискуссии, я подумала – и особенно благодарна А.Н. Глушкову, за эту мысль – современная жизнь как раз продляет ощущение юношества в том определении, какое давали уважаемые участники дискуссии. Обратите внимание, что вот, даже самым простым примером, почему на уровне моды очень взрослые солидные люди повторяют моду подростков, тинэйджеров, да? Социально успешен тот, кто постоянно учится, а учеба – это как бы подготовка к жизни, это еще не сама жизнь. Современная жизнь требует этого от любого. Мы говорим, что юноша – это тот, кто движется, это тот, кто подвижен и не боится, что ему моментально прилетит. Сейчас социально успешен тот, кто подвижен, и кто, если получил какую-то санкцию от жизни, не считает ее необратимой, а может ее сделать обратимой и начать с нуля. Мы говорим, что юноша – это человек, умеющий проектировать. Сейчас практически любой социально успешный человек должен уметь проектировать. И мне кажется, что вот в этом смысле, проблема в том числе и формального образования сейчас в том, что юношество и инфантильность, связанная с юношеством, если считать его вершиной детства (во многом я согласна с тем, что было сказано) проблема в том, что ответственность не наступает даже когда человек переходит формальный порог юношества. Он, становясь рабочей силой, не получает ответственности, связанную с этой рабочей силой. В этом смысле невменяемость населения связана еще и с тем, что они уже работают, но еще ни за что не

отвечают. В пределах своей жизни они получают высоко- или низкооплачиваемую работу, но не по качеству своего труда. Более того, жизнь требует от них, чтобы они были постоянно потенциальной рабочей силой, потому что может стать так, что твоя профессия закончится, а твоя жизнь еще продолжается. Ты уже не нужен как специалист, но ты еще должен обеспечивать себя и свою семью. И вот в этом смысле, мне кажется, что здесь в особенной степени надо поставить акцент на той доле ответственности, которую формальное образование должно предъявить юношам, ученику. И в этом смысле ЕГЭ при всей его необратимости и при всей популярности или непопулярности этой мера – это все-таки какая-то мера ответственности. Ты можешь пересдать, но только через год, как минимум. Опять таки, профильная школа: ты можешь выбирать много, но если ты выбрал, ты должен что-то сделать с этим, ты должен завершить какую-то ответственность, ты выбираешь некий курс, и у тебя больше не будет шансов прожить эти полгода где-то в другом месте. Вот если говорить о том, что наше население должно получить некое другое качество, мне кажется, принципиально здесь именно получение ответственности за то, что ты делаешь, в том числе в юношеском возрасте. У нас взрослые не отвечают точно также, как не отвечают юноши. Может быть что-то поменяется, если юноши начнут отвечать похоже на то, как могли бы отвечать взрослые. Спасибо.

Сергоманов П.А.: я напоминаю, что важно удерживать жанр.

Аронов А.М.: У меня есть два момента: локальный и достаточно общий. Локальный момент связан вот с чем: с формальностью, тем, что Вы говорили, с проектированием и то, что говорил Геннадий Николаевич, с занятием позиций. Можно, конечно придумать какой-то фатальный проект или мечты и потом начинать искать ресурсы, и потом что-то начинать делать, при этом с тобой ничего особенного не происходит. Или же если я, например, сказал, что буду журналистом, вечером сказал, завтра утром что-то в моих отношениях с моим окружением начинает меняться. Вот если так устроен образовательный институт, когда слово начинает действие, когда сразу начинает меняться отношение, тогда вот это было бы достаточно интересно рассматривать как такие вот образовательные практики, а не те формальные практики проектирования, когда он что-то делает - там вывеску какую-то, и при этом с ним лично ничего фактически не происходит, и с его отношениями ничего не происходит. Вот такой разворот, такая вот сторона, локальный момент, предельно локальный момент. А второй вопрос, вторая скорее даже тема, которую может быть затрагивали участники панельной дискуссии ответ, рассуждения, я вот все обсуждаю, какой смысл есть в самостоятельности старшей школы, как самостоятельного института. Согласно закону образования старшей школы нет. Вообще-то старшая школа считается не обязательным институтом. В России, когда принимали этот закон, вообще-то могли что-то думать. Мы, правда, как бы забыли, что они там вкладывали за смысл, когда делали ее необязательной, но тем не менее. Вопрос в чем? Либо это мы просто забыли выключить: ну вот существует и существует натурально какая-то старшая школа, которая была осмыслена в Советском Союзе, а сейчас, на мой взгляд, достаточно бессмысленно само существование ее как отдельного института. По всей видимости, она должна быть включена как часть в какие-то другие образовательные институты. Или все же существование старшей школы как отдельного института имеет смысл?

Сергоманов П.А.: Борис Данилович, пожалуйста. Только коллеги, я Вас умоляю, конечно, приветствуется развитие темы, но, мне кажется, что нет панельной дискуссии и формы ее. И в этом смысле ответственность состоит в том, чтобы относиться к высказанным суждениям в оппозицию, присоединение, ну может быть в развитие темы.

Эльконин Б.Д.: Хорошо, я попробую. Значит мое первое предположение, что дискуссия была очень интересна, я даже не ожидал. Ну а второе, значит, по существу, моменты, дискуссионные такие. Я согласен со всеми выступающими. Подозрительно то, что несколько другие тона были в выступлениях Вячеслава Владимировича и Александра Анатольевича, но только тона, что мы начинаем говорить о юноше, обсуждаем из какой-то другой позиции, которую мы заняли, и говорим что он должен и что у него должно быть, как индивида, вот чтобы чего-нибудь там дальше. Он должен, у него должна быть вот эта компетенция и вот эта и вот эта, потому что иначе он инфантилен и ну и в этом роде. Это верно, но наполовину. Как говорил один умный человек, полправды это хуже, чем целая ложь. Но наполовину, потому что ведь другой вопрос в том, а как обустроено то пространство, где вообще возможно то, что Вы говорите? Причем не только пространство образовательное, там, где как бы все и жили, что должно, за тем, чтобы..., что должно быть, потому что потом лафа кончится. А вот то, которое за тем, чтобы...,

оно что там все эти заводы, газеты, пароходы, телевидение и светские институты? Обустроено так, что там есть возможности того, что Вы подразумеваете, но не говорите, принятие решений, что там можно продолжать в самой работе тренироваться в этом виде того, что называется ответственное действие. Мы пока не определяем, устройство самоопределения, принятия решений, целей, а это имеет свою инфраструктуру. И какого Вы ни возьмете молодого зеленого юнца и 50-летнего землекопа или еще более старшего профессора, попадая в определенные пространства, если он не Герцен и не декабрист, и не другие, т.е. попадая в те пространства, где первым негласным требованием является адаптация и приспособление к существующей жесткой форме жизни, а не обустройство каких-то локальных сюжетов, где возможно принятие решения, где возможно исследование самих своих возможностей, где возможно пересамопределение, он будет действовать точно также как он: либо застрелится, либо адаптируется. И тогда мы говорим: о как прекрасно, адаптировали. Ну вот про эту вторую сторону жизни я и хотел бы Вам напомнить.

Гуревич М.Ю.: очень хочется накалить атмосферу в этом месте. Ну просто как-то прямо, как сказать, не знаю, не согласен, сильно вообще не согласен. Потому что, меня прямо вот сейчас раздражает, знаете это все. Потому что я точно знаю, что существует колоссальный кадровый голод во всех компаниях, по всем направлениям, и требуются люди, способные изменить ситуацию. Первый тезис. Это точно, это наработано даже в той небольшой компании, в которой я работаю. Это вот тому человеку, который на Вашем месте сидел, это точно ему нужно. Он ходит по городу и записывает интересные мысли и фамилии людей, с которыми интересно встретиться. Первое разочарование, с которым он столкнулся в Красноярском крае, ешкин кот, говорит он, так много людей, а людей-то нет, с которыми можно что-то там. Поэтому люди, способные к чему-то там, в том числе и к принятию решений, нужны, это факт. Их нет, но они нужны. Второе. Жизнь устроена, конечно, не правильно: и образование не правильное, и власть не правильная, и государство вообще катится, и вообще все не правильно. Но если вставать на позицию: Вы знаете что, давайте мы тут сначала все правильно устроим, а уж потом будем работать и нужных людей готовить – это никогда не кончится. Вот. Мне и моему сыну, я только об этом думаю, меня, если честно, больше ничто не интересует. Я просто знаю, что если мой сын будет подготовленным, то он найдет работу, потому что нужны люди, способные к принятию серьезных решений. Но это мое убеждение, можете с ним не соглашаться.

Эльконин Б.Д.: я с этим согласен, я говорил про другое.

Блинов Г.Н.: Коллеги, вот мне что кажется очень важным? Да, мы можем юношеский возраст пометить, как возраст инициативного ответственного действия, самостоятельности и ряд других характеристик можем применить. Весь же вопрос теперь в другом, ну в одном: или мы принимаем логику, стратегию, все, что угодно, прямого формирования этих качеств к этому возрасту, апеллируя к тому, что надо краю, надо стране, даже им самим надо, или мы говорим, что нет ребята, не получается в режиме прямого формирования и приходится искать более тонкие пути. Ну например, создавать условия, в которых может проявиться юношеский возраст, дальше нужно эти сигналы словить, усилить и оформить соответствующим образом, но это другая стратегия. И дальше, после этого, нужно выйти в институциональный пласт и сказать, ну к примеру, это только эти две стратегии, могут быть и другие, что может школа самостоятельно. На мой взгляд, почти ничего она здесь не может сама, и тогда мы можем говорить о том, в какой кооперации школа как институт образования может с другими институтами вот эту вторую стратегию организовать. А иначе вот если во всех наших текстах убрать слово «надо», не о чем будет говорить.

Башев В.В.: я согласен с тобой. Ты уже не в первый раз ставишь вопрос по поводу того, является ли школа институтом, который вообще может на какие либо вопросы юношества отвечать. С моей точки зрения, вопрос предельно правильный, но ранний. Ну или так, быстрый ответ такой: действительно существующее мнение, что старшая школа не отвечает ни на какие запросы. Это очевидно. С моей точки зрения важно определиться: мы про юношеский возраст как про что говорим? Юноша это кто? Вот очень удачный ход Саша употребил, кто герои юноши, герои юношеского возраста, героиня юношеского возраста в чем состоит? Попов утверждает, извини, что я тебя интерпретирую, что юноша - это тот, кто конкретно включен в конкретную реальную практику и получает по голове за это. Я утверждаю несколько обратное, нам сначала нужно договориться, по поводу кого мы про такого юношу разговариваем. А то, что существующая институциональная система, я с тобой здесь согласен, ее менять бессмысленно,

ничего почти невозможно сделать с системой, можно придумать другую систему. С этой ничего невозможно сделать, это же понятно.

Сергоманов П.А.: Борис Иосифович, пожалуйста.

Хасан Б.И.: Вот, я честное слово не хотел ничего говорить, так получилось, что, слушая, что здесь происходит, я вспомнил один старый фильм советских времен. Он был про производство. И там значит сюжет такой: старая гвардия, чего им в голову стукнуло, вдруг договаривается, уйти с завода и оставить управление молодежи, стажерам. Ну разумеется, оставляют там своих резидентов на месте, а они куда-то отъезжают, - какой-то такой дикий проект совершенно по тем временам, - и получают донесения о том, чего эта молодежь там на заводе творит жуткого. И какое-то время они это терпят, а потом среди них там страшная внутри конфликтная ситуация по поводу того, позволять еще вот этим ребятам изгаляться над производством или значит уже пора прийти, дать им всем по голове и вернуть все назад. А поскольку фильм был тех времен, то победило решение партии, и как-то там сложилось. К чему вдруг у меня вот эта мысль возникла? Она как-то прямо совершенно, к тому, о чем Вы говорите, особенно Максим: как дать по всему этому, чтобы заверещало. Тут видимо и происходит то, что ты хочешь сделать, ну вот уже подсказывают некоторые и соответственно удары получают со сцены там или откуда-то изнутри, похоже, что одновременно и оттуда, и оттуда, удары извне встречаются с ударами изнутри. У меня такое ощущение, что ты про это тоже говорил, про встречу ударов извне с ударами изнутри. Ведь идея, если смотреть, как проявляются возраста, как границы возраста сдвигаются: как только взрослые отодвигаются, если они рискуют отодвинуться, и ровно в том месте, где они отодвигаются, в этом месте экспансия молодости начинает занимать территорию. Вопрос в том, чтобы рискнуть отодвинуться. Это колоссальный риск, они же натворят черте что. Как там в песне: «Дадим шар земной детям». Ну а дальше, говорю я, читайте Уильяма Голдинга «Повелитель мух». Поэтому взрослые говорят: не дадим детям, будем их держать в этих резервациях, обходить которые будут команды Попова, под руководством соответствующих фельдмаршалов. Они будут обходить эти резервации и занимать другие места. У меня вот есть такой замечательный опыт юношеский, когда мы поняли, что детям нужно устраивать культурное пространство, чтобы они не болтались по подвалам и по чердакам, и мы молодые комсомольцы начали внедряться в эти подвалы и чердаки и приводить их в порядок. И кое-что происходило, отчасти происходило, но они все равно находили какие-то новые подвалы и чердаки и их осваивали по-своему. Ну вот какая-то такая параллельная стратегия. Мне кажется, что риски допустить вот этот переход, это связано как раз с тем, что называется представление о зрелости. Раньше аттестат, который выдавали в школе, назывался «аттестатом зрелости». Вопрос в какой области зрелость? Потому что когда мы говорим - я согласен тут со Славой - что ответственность, самостоятельность, она в каждом возрасте какая-то относительно чего-то, относительно какого-то материала всегда есть. Вопрос: где должна отступать зрелость для того, чтобы это место было занято? Вот в этом варианте отступления, и как только мы определимся, где мы можем отступить, там и появляется место для юношества, по-моему. Это я и к вопросу об определении. Спасибо.

Сергоманов П.А.: Антонида Константиновна, пожалуйста.

Лукина А.К.: У меня пара мыслей, может быть плохо связанных между собой. Первая появилась непонятно откуда, когда выступал в первый раз Максим Юрьевич и Антон Михайлович, мне показалось, что вот знаете, как можно определить границу между детством, юностью и взрослостью: ребенок – это тот, за кого отвечают другие; юноша – это тот, кто готов по-настоящему отвечать сам за себя; взрослый – тот, который готов отвечать за других. Это как бы в первом приближении. И в этом смысле способность к мечтанию и планированию, она конечно, может как раз начинается с этого, когда человек начинает строить нормальные проекты, но ведь он их строит всю жизнь, даже 90-летняя бабушка проектирует свои собственные похороны. Ну это вот, Вы еще молодые и не знаете этого, а я уже близка к этому возрасту и точно понимаю, что я еще кое-что проектирую. Я обращаюсь к тем, кто там в зале сидит.

Из зала: хорошо выглядите.

Лукина А.К.: Стараемся. И последнее. Да действительно вот это самое старение и взросление, да и еще одна штука вот, то о чем говорил Александр Геннадьевич, когда он говорил о трех китах, на которых все строится, мне показалось страшным, там нет еще одного кита, и о нем сегодня еще не говорили, кита, который называется нравственность. Потому что для меня готовность отвечать за другого она и лежит в том поле, которое называется нравственность. И для меня трагедия нынешних молодых людей, мне так кажется, заключается как раз в том, вот когда

Геннадий Николаевич говорил про там многоаспектность, множество понимания возрастов, ведь человек – он внутри еще, в нем там можно выделить несколько подсистем: физиологическую, психологическую, социальную и т.д. Так вот сейчас у наших молодых людей довольно рано происходит взросление, ну что физиология очень часто обгоняет взросление социальное и нравственное – это как бы очевидно. И проблема запоздалого даже на уровне вхождения в юношество нравственного взросления, мне кажется, ее можно сейчас обозначить. Ну и последнее, действительно, мне кажется, что образовательная система: ни школа, ни ВУЗ – собственно к обретению взрослости вот в социальном смысле они имеют очень отделенное отношение, и все оно случается где-то в других местах, когда у человека появляется возможность ответственного свободного действия. Где оно случится? Будем мы, или то, что говорил Борис Иосифович, или мы отойдем и позволим им на это место встать, или страшно, вдруг они лучше нас окажутся? И поэтому они сами для себя как-то это находят. Наша задача, как педагогов, как раз уйти и быть, вот мне нравится очень выражение, давно еще его говорила Катерина Николаевна Поливанова, по части роли взрослого в подростковом возрасте: быть не заметным, появиться в момент, когда без тебя все рухнет, когда вот эти самые санкции могут стать необратимыми, и обратно уйти, и чтобы этот человек, которому ты помог сделать эти санкции, этого даже не заметил. Вот тогда это будет как бы действие, связанное с созданием условий для взросления, а оргформы и институциональные формы – это, конечно, требует отдельного разговора. Спасибо.

Артамонов К.С.: Я по поводу вот чего. Я не думаю, что стоит говорить столь категорично по поводу того, что юноши у нас инфантильные и никак не планируют свою будущую деятельность и т.д. Некоторое время назад была министерская программа по организации деятельности в образовании, мы провели ряд ОДИ. Игры достаточно многоплановые, проводились в разных регионах, и одним из направлений этих игры была социализация, возможности социализации молодежи в рамках своего возраста. В этом смысле нужно было выяснить, а что такое возраст с точки зрения молодежи, их глазами: где-то попробовать себя найти, что-то поделаться и т.д. Ну те, кто представляет себе, что такое ОДИ, те, наверное понимают, что как и в любой другой ситуации в начале действительно звучали эти ответы из серии: высокооплачиваемую работу или, наоборот, что-нибудь такое, чего ни у кого нет. В финале игр таких слов уже не звучит, начинают звучать слова, которые более-менее созвучны тому, что на самом деле человек хочет. И это происходило, повторялось совершенно четко во всех играх, где бы мы ни играли. Выделялось две группы, все дети по сути делились на две большие группы: на группу тех, кого мы условно называли «предприниматели» и на группу тех, кого мы условно называли «наемные рабочие». Различались они между собой не по марксистскому принципу: отношения собственности на средства производства, а отличались по принципу, брать на себя риски или не брать на себя риски, связанные с какой-то деятельностью. И в этом смысле, надо сначала посмотреть, а это люди, которые готовы или не готовы делать проект своей будущей жизни, они какими глазами смотрят «предпринимателя» или «наемного рабочего», говоря нашей терминологией. И, уверяю Вас, если спросить у взрослых, то выяснится, что основная масса взрослых не желают, не готовы брать на себя такую ответственность, которая ложится на предпринимателя. Основная масса спокойно живет с ответственностью «наемного рабочего». Спасибо.

Каспржак А.Г.: От имени 50-летних педагогических землекопов, я продолжаю. Я хочу сделать одну фиксацию, задать молодым людям на сцене два вопроса. Значит фиксация следующая, возвращаясь к тезису от Поливановой, я вспомнил, что она говорит, что мужчины вообще-то до конца дней своих подростки. Поэтому у нас подростки обсуждают проблемы юношеского возраста. Обратите внимание, ни одной женщины нет. Любопытно, правда? Те, которые переросли этот возраст, этим не интересуются. Теперь у меня вопрос к выступающим. В первую очередь, конечно, к Башеву, который классически заявил, почему я и пришел в зал из курилки, что юношеский возраст связан с ответственностью, и юношеский возраст – это подготовка к жизни. Если я правильно все понял. Как тогда быть с теорией Дьюи относительно того, что подростковый и детский возраст – это не подготовка к жизни, а сама жизнь, на чем строилась вся педагогическая дискуссия XX века, на чем строились все модернистские школы, на чем строились все традиционные науки. И второй вопрос к людям, которые, как я понимаю, напрямую с системой образования не связаны. У меня вообще ощущение, что Вы вернулись в начало XX века, что его не было, начисто, утверждаю, что только тогда появляется новая школа, когда старшие перестают знать, что ребенку собственно говоря делать навывок, потому что он

будет жить в той жизни, в которую старшим дороги нет, они просто умрут. У меня возникает вопрос: это как Вы знаете, какие ему качества понадобятся в той жизни, в которой ему жить, а Вас не будет. Просто чисто биологически. Вот если Вы ответите на эти два вопроса, которые существенно намного красивее сформулированы. Дьюи, да Господи, перечеркнуть весь XX век, то тогда я понимаю на какой основе стоит эта дискуссия. Так что товарищи, если можно, ответьте, пожалуйста, на эти вопросы.

Башев В.В.: На второй вопрос, я думаю, что собственно я...

Каспржак А.Г.: А не Вам второй вопрос.

Башев В.В.: Да, второй вопрос не мне, потому что я как раз утверждаю, что не мы должны думать о том, какие качества понадобятся ему в будущей жизни, а он должен. По поводу, значит, того, что ребенок не готовится к жизни, а собственно живет.

Каспржак А.Г.: Дьюи Джон.

Башев В.В.: Да, Ваш друг Дьюи. На самом деле это не тривиальный вопрос, но понимаете, это как с самостоятельностью. Ну например, с точки зрения взрослых, мы знаем, что такое самостоятельность, поэтому мы детей называем не самостоятельными. А вот с точки зрения взрослых, мы знаем, что такое жизнь, поэтому то, чем занимаются дети – это вроде бы с нашей точки зрения не жизнь. Когда я говорю, что юношеский возраст – это подготовка к будущей преобразующей деятельности, я имел ввиду подготовку к будущей преобразующей деятельности, которой занимаемся мы, взрослые. Но для него эта подготовка – и есть собственно его жизнь.

Каспржак А.Г.: Слава, для меня это очень важно. Дело в том, что с этого начинается коммунистическая школа. Вот если мы считаем, что он не живет, что у него нету единой картины мира в голове, то, строго говоря, говоря о становлении, современная школа абсолютно невозможна. Или мы выстраиваем модель под планируемый нами результат, который достигнут никогда не будет. К соседу, который замечательно выходит из системы образования, уходите, потому что Вы хотите, чтобы дети достигли того результата, который Вы им планируете. Как говорится дулю Вам, не получится. Я сейчас говорю про педагогику и психологию с вашего позволения, а не про политику.

Из зала: Чтобы делать дело, делать реформу образования в России, а не заниматься...

Каспржак А.Г.: Извините, но это просто жонглирование словами...

Из зала: Вы на рынок сначала выйдите, а потом...

Каспржак А.Г.: А я на рынке и работаю, я работаю не в государственном учебном заведении. Я прошу точно отвечать на вопросы. Точно отвечать на вопросы – это означает, в какой степени, я обращаюсь к двум молодым людям, мы с Вами можем знать, какие качества сделают ребенка успешным.

Лукина А.К.: не успешным, а счастливым.

Гуревич М.Ю.: Вот в этом месте мне нравится, вот это сейчас интересно, потому что для меня все однозначно просто и понятно. И я вижу, что ребенок у меня растет, ему 5 лет всего, но он совсем по-другому воспринимает мир. Например, если бы Вам и мне надо было научиться пользоваться пультом телевизионным быстро, а это то же самое, только подходить не надо, то он по-другому это делает, я не помню как-то. И для него это не понятно каким-то образом система управления миром, она у него в голове заложена, мне это не понять. Моя бабушка до сих пор не может понять, что такое компьютер, как там появляется изображение, когда нет антенны. Она не может этого понять. А мой ребенок, когда я нахожусь в Берлине, и он мне пишет по SMS, ему было 2 года, с помощью мамы, он никогда не был до этого в другом городе, он вообще мог не знать, что есть другие города, он думал, что все в округе живут вот в этом вот академ-городке и все. Он пишет: папа, я хочу к тебе в Берлин. Когда мой папа уезжал в командировки, я хотел, чтобы он скорее вернулся, а мой пишет, я хочу к тебе в Берлин. Откуда он знает, что есть Берлин, черт побери? Моя жена написала бы точно: приезжай скорей, она моего возраста. Это точная история, я настаиваю на ней. Я не знаю, какие качества ему пригодятся, мой вообще интерес вполне практичный такой: а как мне его учить вообще?

Каспржак А.Г.: Да чтобы он на ноги встал, и чтобы у Вас старость была обеспечена.

Гуревич М.Ю.: Да нет

Каспржак А.Г.: Да не нет, а Да!

Гуревич М.Ю.: Да не да, а Нет!

Сергоманов П.А.: это люди, которые приняли решение и оказались на панели. Все нормально.

Глушков А.Н.: Вы сейчас говорите о том, какие производственные навыки, какие бытовые навыки потребуются тому или иному молодому человеку, а мы говорим о ценностных ориентациях. Навыки, они появляются из внешней среды, не только школа, высшая школа, семья, они проявляются отовсюду. Мы говорим о формировании ценностных ориентаций, проекте ценностной ориентации, которого нет вообще.

Каспржак А.Г.: я замолчал.

Воронцов А.Б.: Три момента. Я бы все-таки не противопоставлял Башева и Попова. Меня напрягал один момент, когда мы говорим: давайте выйдем из школы и будем решать юношеский возраст за пределами школы. Значит мы просто не умеем строить старшую школу, и поэтому должно быть и то, и другое. Это первый момент. Поэтому последние годы, когда убирают институт школы, давайте заменим его чем-то другим, я бы ответил: давайте и то, и другое. Если чего-то нет в школе, возьмется у Попова, чего нет у Попова, возьмется в школе. Это первое. Второе. Я не понял в конце, что говорит Слава по поводу преобразующей деятельности, когда он такое определение давал, что детство – это такой временной отрезок, когда ребенок не включен в преобразующую деятельность. Вообще говоря, он все время включен в деятельность и все время преобразует эту деятельность. И отсюда, когда он противопоставляет про жизнь, я несколько раз уже слышал, что учеба – это подготовка к жизни, что будущая жизнь, продолжая то, что говорил Анатолий. Дело все в том, что индивидуальная образовательная программа в старшей школе – это и есть вот этот действительно настоящий проект с ответственностью, с долбежкой по голове, это и есть настоящий проект. Плюс то, что он делает за пределами школы, а может и не за пределами, а вместо того, что делает Попов. И третье. В обсуждении юношеского возраста мы почему-то заикнулись на старшей школе, что-то про ЕГЭ, по поводу того, что это какой-то законченный кусок. Юношеский возраст – это старшая школа только начало. Почему-то мы здесь поговорили только вот на отрезке старшей школы, это вот печально. Или я так просто услышал, или так граница была поставлена. Потому что интересно, а что дальше за старшей школой, если юношеский возраст продолжается. Итак, три фиксации. Юношеский возраст должен быть в разных институтах, и если мы не научились делать, надо делать старшую школу. Второе. Мы в старшей школе живем и делаем реальные проекты, и старшая школа, с моей точки зрения, это оптимальный вариант, построение индивидуальных образовательных программ, которые включают в себя и учебные программы, и то, что за пределами делает Попов. И третье. Говоря о старшей школе, нужно говорить о других местах, институте или каких-то других местах, где он реализует тот проект, ту индивидуальную образовательную программу, которую он разработает в старшей школе. Спасибо.

Глушков А.Н.: Все-таки фиксацию давайте подведем, кто такой юноша, который учится в школе или в образовании высшем, почему мы говорим про самоопределение. Ну если он пошел работать или у него нет никакого образования, он значит не юноша? Или он никогда не станет взрослым?

Воронцов А.Б.: Я об этом и говорю, давайте за школой посмотрим дальше.

Ковалева Т.М.: Кроме таких образовательно-политических дискуссий мне бы хотелось, чтобы мы не потеряли никакие такие глубинные педагогические проблемы с этим связанные. В дискуссии уже было много разных фрагментов, я хочу вот отнестись к одному фрагменту, который возникал, это между Славой Башевым и Геннадием Блиновым. Напомню: Башев говорил, что вначале надо разобраться с собственно юношеским возрастом, с содержанием, а тогда потом уже разрабатывать некоторые стратегии работы с юношеским возрастом, на что Геннадий несколько раз говорил, что в этом вопросе можно застрять, а нам нужно обсуждать стратегии. Вот я в эту точку. Дело в том, что это две половинки работы, которые делаются параллельно, мы будем обсуждать концептуальный возраст, но даже эта дискуссия показала, что у нас есть уже какие-то общие концептуальные подходы, которые даже у людей, которые разные вещи говорят, совпадают. Например, одна из генеральных линий, как я увидела сегодня в дискуссии, она нас всех объединяет, связана с тем, что в юношеском возрасте идет некая линия сворачивания инфантильности, важного для нас, и появления инициативного действия. Значит хотя бы относительно этого понимания концептуального возраста, мы можем уже вроде бы обсуждать стратегии. И Геннадий две стратегии намечал. Но вот я хочу сказать, что есть всегда момент быстрого перескакивания к стратегии, минуя собственно проблему. И вот здесь, в этой точке, даже понимание возраста, связанного с одной линией, убираем инфантильность, приводим к самостоятельному действию. Смотрите, в какую проблему мы упираемся, и на сегодняшний день

собственно я не вижу пока глубоких адекватных ходов, поэтому может быть на конференции мы в эту точку тоже что-нибудь будем приращивать. Если мы начинаем, а поскольку инициативное действие разворачивается в культуре, значит эта культура сразу должна быть предъявлена. Если мы начинаем делать заход с культуры, то в этот момент мы продолжаем линию инфантильности. И это везде, во всех традиционных институтах возникает, Вы это прекрасно понимаете. Хоть повышение квалификации, в институтах, хоть в университетах, хоть в школах, как только появляется линия презентации культуры, сразу человек, поскольку это мощно, хочет достать тетрадку и записывать, читать, узнавать что жизнь готовит для него и как вписаться в эту линию. Мы это фиксируем, как линия инфантильности. Теперь, если мы переходим в линию такой жесткой стратегии, к самостоятельному действию, говорим: твори сам. Тут же возникает такой момент, инициативное действие мы помечаем в культурных рамках. И если дети начинают делать бизнес-план, они же должны понимать, что такое бизнес план. А не просто какую-то фитюльку мы начинаем обсуждать как их бизнес-план, и что следующим ходом они получают от нас. И вот этот момент, как развернуть инициативное действие в культурных рамках, не задавливая культуру, то, что мы потом будем обсуждать в преодолении инфантильности и выходе в инициативное действие. Вот это одна из таких базовых педагогических проблем, про которые все говорят, вроде бы все понимают, что это надо делать, но как-то этот вопрос остается открытым.

Сергоманов П.А.: Спасибо большое, очень коротко.

Блинов Г.Н.: После Вашей реплики у меня возникли два момента. Буквально два слова. Первый момент, я считаю, что очень опасно выстраивать юношеский возраст в линейной логике. Сама постановка вопроса это и/или вершина/начало подразумевает, что есть линейная логика. И дальше происходит забавно: протаскивание разных характеристик, которые есть, то из подросткового возраста, то из взрослого, но условия – это подвинься, освободи место. Я предлагаю пометить юношеский возраст, пока может так несколько провокационно, как самостоятельную организованность вообще, которая имеет собственную организацию и не связана ни с подростковым возрастом плотно, ни со взрослым. Для того, чтобы с этим работать в определенных рамках конференции, то я бы это событийность. Т.е. возраст – это то, что случается связано с позицией, что я попытался сказать, и границы можно обустроить в рамках позиционности и позиционирования и строить событийность. Возраст юношеский случается, а не формируется под определенной детерминантой.

Сергоманов П.А.: Спасибо огромное. Уважаемые коллеги, к сожалению говорящих, а может к счастью слушающих, наша панельная дискуссия завершилась. Я очень благодарен всем, кто выступал, особенно тем, кто развернул прямые столкновения и дискуссии продуктивные, и благодарю наших гостей – всех, кто лопатой бил. Спасибо.